

«Сторонник величия России»

Неизвестная страница биографии Аполлона Коринфского

Родился Аполлон Коринфский 10.09 (29.08) 1867 года в Симбирске, в небогатой дворянской семье. Фамилию он унаследовал от деда М.П. Варенцова, выходца из семьи арзамасского крестьянина-мордвина, который при окончании Академии художеств за архитектурский проект в коринфском стиле получил золотую медаль и по личному повелению императора Александра I стал именоваться Коринфским.

В 1879 году Аполлон Коринфский поступил в Симбирскую классическую гимназию, где в течение семи лет учился в одном классе с Владимиром Ульяновым. В пятом классе издавал рукописный журнал «Плоды досуга», в выпускном был исключён из гимназии за чтение «недозволенных» книг и знакомство с политическими ссыльными. После этого Коринфский начал заниматься профессиональным литературным трудом в должности заведующего симбирским отделением «Казанского листка».

Со второй половины 1880-х годов в провинциальной и столичной печати появляются многочисленные стихотворения, очерки, рассказы, фельетоны и статьи Коринфского. После переезда в Москву (1889) и Петербург (1891) он деятельно сотрудничает со многими газетами и журналами, среди которых были «Россия», «Русское богатство», «Наше время», «Мир Божий», «Исторический вестник» и другие, налаживает широкие литературные контакты. В 1889 году состоялось знакомство Коринфского с тверским поэтом-самоучкой С.Д. Дрожжиным, которое переросло в крепкую, «на добрых дрожжах взшедшую» дружбу. Впоследствии он не раз гостил на родине Дрожжина в живописной деревне Низовка.

В 1897–1899 годах поэт редактировал журнал «Север», где одновременно выступал с критическими обзорами «Литература в журналистике». Он писал о творчестве В.Я. Брюсова, Ф.К. Сологуба, М. Горького, К.М. Фофанова, М.А. Лохвицкой и других.

Имя и творчество Аполлона Аполлоновича Коринфского (1867–1937), довольно популярного на рубеже XIX–XX веков поэта, переводчика, публициста, очеркиста-этнографа, сотрудника и редактора более 70 газет и журналов, вследствие резкого неприятия им Октябрьского переворота, оказалось после 1917 года фактически вычеркнуто из русской литературы. В советский период стихотворения Коринфского публиковались скупо и лишь в поэтических антологиях. Лишь недавно (впервые с 1901 года) был переиздан его по-своему уникальный фольклорно-этнографический труд «Народная Русь».

Предлагаем читателям познакомиться с материалами исследователя из Твери А.М. Бойникова, который раскрывает неизвестные страницы биографии поэта.

С 1894 года одна за другой выходят книги стихов и прозы Аполлона Коринфского. Кроме того, он, живо интересуясь волжским фольклором с гимназических лет, неустанно собирал и записывал тексты календарно-обрядовой и духовной народной поэзии, благодаря чему позднее издал несколько фольклорно-этнографических трудов.

В разные годы А.А. Коринфский переводил зарубежных поэтов: Гейне, Колриджа, Мицкевича, Беранже. Он был одним из первых, кто познакомил русского читателя с произведениями классика белорусской литературы Янки Купалы.

С 1918 года поэт вместе с женой Марианной Иосифовной жил в посёлке Лигово под Ленинградом. Не имея возможности обеспечить семью литературным заработком, он в 1917–1920 годах состоял на службе корреспондентом в Просветительском Комитете, в редакционной Коллегии Всеобуча, в отделе учёта лавок Петрокоммуни, а с ноября 1920 года стал библиотекарем 54-й Трудовой Советской школы в Петрограде-Ленинграде.

Биография А.А. Коринфского может показаться достаточно хорошо изученной, хотя это далеко не так. Мало известны последние годы его жизни, связанные с Тверским краем.

В 1929 году семья Коринфских переезжает с прежнего места жительства в Тверь. Данный факт неоднократно упоминался исследователями, однако причины этого неожиданного поступка не раскрыты даже в новейших публикациях. Отчасти проливает свет на это обстоятельство небольшая биографическая справка на Коринфского, составленная Е.Е. Шаровым, в которой говорилось следующее: «В 1927 году А.А. Коринфский, вследствие неблагоприятных для него обстоятельств, вынужден был из Ленинграда переехать на постоянное жительство в Калинин, где и прожил около 10 лет, работая корректором типографии «Калининская правда».

Окончательно стирает это «белое пятно» в биографии А.А. Коринфского знакомство с уголовным делом «по обвинению группы подпольной контрреволюционной организации», которое было заведено Полномочным представительством ОГПУ в Ленинградском военном округе 14 ноября 1928 года и окончено 23 февраля 1929 года. Уже сроки его ведения доказывают, что А.А. Коринфский не мог переехать в Тверь в 1927 году.

Основанием для возбуждения дела послужили материалы оперативной разработки под условным наименованием «Литовцы». Список обвиняемых, в котором арестованный 14 ноября 1928 года А.А. Коринфский значился под номером 13, насчитывал 17 человек. В постановлении о принятии дела к производству констатировалось, что «указанные лица принимали участие в контрреволюционной работе группы монархистов». Суть обвинения «литовцев» сводилась к следующему: «... в 1918 г. в г. Лигово, ныне Урицк, Ленинградского округа, был организован спортивный клуб «Орион». Так как клуб являлся единственным легальным органом, которым можно было бы прикрывать антисоветскую деятельность, то вокруг его (так в документе) быстро сгруппировались бывшие люди: дворяне, офицеры, бывшие чиновники, священники, жандармы и прочие... После закрытия клуба лица с явными монархическими убеждениями перенесли свою деятельность в подполье — под видом «семейный литературный кружок». Следствием установлено, что кружок был монархического направления».

Из показаний Н.П. Вельяминова, бывшего дворянина: «Характеризую группу этих лиц в целом, считаю, что группа эта, уходя в свои закрытые собрания, как бы изолируясь от общественности, была, конечно, по одному этому антисоветской. Содержание произведений отдельных лиц этого кружка было настолько далеко от тем, созвучных нашему времени, что кружок этот, можно сказать, имел девизом «Всё в прошлом».

Весьма красноречивы и имеющиеся в деле отметки о политических убеждениях ряда членов кружка: «славянофил», «националист», «националист-демократ», «ярый монархист и антисемит».

Понятное дело: участники кружка — «осколки старого мира» — хотя и относились к категории «бывших», жили отнюдь не прошлым, а животрепещущим настоящим. Собираясь на квартирах друг у друга, они обсуждали внутреннюю ситуацию в стране, читали нелегально доставленные в СССР зарубежные газеты, декламировали свои литературные произведения. Именно литературно-творческая атмосфера собраний и привела в кружок Аполлона Коринфского. Лишённый после революции возможности не только жить писательским трудом, но и хотя бы просто печататься, он хотел чувствовать себя поэтом и найти благодарную читательскую аудиторию. Из материалов дела усматривается, что его приглашение в кружок состоялось в 1922 году. Душевно ободрённый, Коринфский активно выступал там с чтением прежних и вновь написанных стихотворений, рассказывал о себе и своём творчестве. В благодарность члены кружка 14 декабря 1923 года организовали «домашнее празднование» 35-летия его литературной деятельности.

Следствие усиленно искало в действиях Коринфского состав преступления и, естественно, нашло его. Во-первых, поэта обвинили в том, что в мае 1928 года на могиле покойного самоубийством члена кружка Константина Иванова он «прочитал в присутствии приблизительно 30–40 человек стихотворение антисоветского содержания «Ушедший самовольно». Во-вторых, Коринфскому инкриминировали сотрудничество с издаваемым в Латвии журналом «Огонёк», где в 1924 году были перепечатаны несколько его дореволюционных стихотворений и переводов из Яна Райниса.

Политические воззрения А.А. Коринфского были определены следствием как «сочувствующий народническому движению». Весьма интересна характеристика его общественных взглядов, данная одним из свидетелей (этот человек явно был внедрён в кружок агентом ОГПУ): «Коринфский. Типичный и убеждённый сторонник величия России или в духе народолюбцев, или в духе свободного народа, но без Советской власти. Писал стихотворения антисоветского характера».

В деле отсутствуют какие-либо литературные произведения Коринфско-

го, поскольку имеется его собственноручная расписка: «Вещественные доказательства, отобранные у меня при обыске 14-го ноября 1928 года, получил. Аполлон Коринфский».

28 ноября 1928 года поэт был привлечён по делу в качестве обвиняемого, поскольку «по предварительному дознанию, сведения о его участии в контрреволюционной группе монархистов подтвердились». Мерой пресечения было избрано содержание под стражей, однако в связи с тем, что пребывание его на свободе не может повлиять на дальнейший ход следствия, Коринфский 7 декабря 1928 года из-под стражи освобождён. Он был лишён права проживания в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону.

Аполлон Коринфский получил самое мягкое наказание. Из 17 осуждённых трое были приговорены к расстрелу, десять — к заключению в концлагерь сроком на пять и десять лет, один — к шести месяцам тюрьмы, двое — к высылке на Урал и в Вологду. Главную роль здесь сыграло наличие у поэта ряда хронических заболеваний. В акте его медицинского освидетельствования значился вывод: «К месту высылки следовать может. Желательно направление в местность не с суровым климатом и обеспеченную врачебной помощью».

В отличие от врачей, следователи ОГПУ не были столь гуманными. В обвинительном заключении, «принимая во внимание болезненное состояние и преклонный возраст» Коринфского, предлагалась «высылка в отдалённые места СССР сроком на 3 года с прикреплением к определённом месту жительства».

При определении будущего места высылки А.А. Коринфский обладал некоторой свободой выбора. По всей видимости, поэт выбрал Тверь, чтобы лично общаться со своим старейшим другом С.Д. Дрожжиным, который доживал свои дни в родной Низовке, вблизи от города. Выйдя из тюрьмы, Коринфский сразу же сочинил тёплое стихотворное послание к его 80-летию юбилею.

Дрожжин знал о предстоящей высылке и писал И.А. Белоусову 2 июня 1929 года:

«Друг мой Ваня!

Друг нашей молодости и последней угасающей жизни Аполлон высылка-

ется административным порядком из Ленинградского округа и просит меня устроить его в Твери. Но я ему написал, чтобы он приехал ко мне и засел к столу писать по Твоему примеру свои мемуары. Положение его не могу тебе высказать какое бедственное – он как безработный теперь получает всего 14 руб. 50 коп. в месяц да и эту ничтожную сумму на днях жулики вытащили у него из кармана... Неужели даром он с лишком 40 лет стоял на посту писателя и мало послужил делу народной свободы и просвещения? Грустно. Нынешним летом меня обещал посетить А.М. Горький, который на днях избран членом ЦИК, и я его буду просить принять посильное своё участие, чтобы облегчить бедственное положение нашего друга...».

А.А. Коринфский прибыл в Тверь, вероятно, в начале июня 1929 года. Потрагив какое-то время на бытовое обустройство, он спешит в гости к Дрожжину. Этот приезд Коринфского в Низовку стал не только апофеозом 40-летней дружбы двух поэтов, но и актом гражданского мужества со стороны Дрожжина. По поводу ареста и суда над своим другом С.Д. Дрожжин оставил в дневнике однозначную запись: «Мой старейший друг – поэт А.А. Коринфский, один из лучших после Некрасова певцов народной свободы, обвинён по ложному доносу в неблагоденности и теперь лишённый права жительства в Ленинградском округе, 17 июня приехал ко мне в Низовку, прожил до 30 числа и, уезжая на жительство в Тверь, оставил в моём новом альбоме записей посещающих меня друзей, читателей и знакомых, целый ряд вдохновенных стихотворений».

Живя в Твери-Калинине, супруги Коринфские хронически бедствовали. Источниками дохода были небольшая пенсия и мизерные заработки. Особенно тяготило поэта клеймо «административно высланного». Пытаясь хоть как-то заработать на жизнь и одновременно доказать свою политическую лояльность власти, он в 1929 году сочинил стихи, прославляющие советский строй: «Моя Советская страна», «Народу – Свободовоццу», «Рабоче-Крестьянской Республики флаг» и другие. Отправляя их для публикации в газету «Известия», Коринфский униженно просит: «Быть может, на столбцах «Известий» были

бы не совсем лишними эти стихи, выравнившиеся из глубины души старого поэта «Народной Руси». Однако даже в таких стихах опального и старомодного поэта правящий режим не нуждался.

Единственное, что удалось напечатать А.А. Коринфскому в Твери, были отрывки из его воспоминаний «За полувековой далью» о В.И. Ленине, с которым поэт, как уже упоминалось, когда-то учился в Симбирской гимназии. Несмотря на объявленное в газете продолжение, дальнейшая публикация этих мемуаров по понятным причинам была прекращена.

Б.В. Бажанов, неоднократно встречавшийся с А.А. Коринфским в 1930-е годы, в своих неизданных записках привёл такой эпизод из его жизни: «Однажды А. Коринфский набрал ведро (sic!) книг и отнёс их к врачу В.В. Успенскому, с которым был в приятельских отношениях: купи, пожалуйста! Успенский сказал ему: «Ну, куплю. А что ты на эти деньги сам купишь? Лучше я сменяю их тебе на картошку», – и отсыпал Коринфскому – мера за меру – ведро картошки: богатство по тем временам!».

А.А. Коринфский скончался в неизвестности 12 января 1937 года в больнице Института физических способов лечения (ныне областная детская больница) и был погребён в Твери, на кладбище при церкви в честь иконы Божией Матери «Неопалимая купина», впоследствии разрушенной. На прибитой к деревянному кресту металлической дощечке была надпись: «Поэт Аполлон Коринфский». И далее вместо эпитафии строки из его стихотворения «Родина»: «Храни, Господь, народные твердыни, живи вовек, родная мне страна!».

Сегодня кладбище, которое действовало более ста лет, пребывает в полном запустении. Его территория непрерывно сужается, поскольку этот живописный берег Волги с недавних пор превратился в лакомый кусочек для «новых русских», воздвигающих здесь свои коттеджи. Могила поэта, сохранявшаяся ещё в 1970-е годы, скорее всего, уже навсегда утрачена. Деревянный дом, где жили в ссылке супруги Коринфские, был снесён в начале 1950-х годов. На его месте построено здание детского сада.

Долгие десятилетия А.А. Коринфский считался государственным пре-

ступником, а его стихи находились под негласным идеологическим запретом. Лишь на исходе XX столетия, когда уже давно ушли из жизни и сам поэт, и его жена, восторжествовала запоздалая справедливость. 30 июня 1994 года А.А. Коринфский был реабилитирован.

Так была поставлена последняя точка в трагедии человека и поэта Аполлона Коринфского, одной из заметных фигур в русской литературе Серебряного века, чьё творческое наследие до сего дня практически не переиздано и не изучено.

Из писем С.Д. Дрожжину
19 апреля 1930 г.

«Под напев молитв пасхальных И под звон колоколов – К нам пришла Весна из дальних Из полуденных краёв», – как спел когда-то наш с Тобой незабвеннейший и вдохновеннейший друг, покойный Константин Михайлович Фофанов († в 1911 г.)... Здравствуй, родной баян, дружбе мой дорогой, Спиридонушко! Здравствуй, светлый певец великого Народа! Да будет начало и этой Весны-Красной для Тебя Светлым Праздником воскресающей из века в век, из года в год духовной Свободы! Двое объединённых навеки тверских отшельников, А.[поллон] и М.[арианна], сердцем обнимают Тебя и шлют Тебе своё пасхальное целование.

Да пребудет в сердцах наших светла и свята его память!..

2 сентября 1930 г.,

Тверь, Владимирский переулок

Друг мой заветный, родной мой Спиридонушко, наконец-то я получил от Тебя весточку – письмо от 26 августа со штемпелем Новинской почтовой конторы от 31 числа. Откликаюсь на эту весточку в самый день её получения... Я давно уже, не получая ответа на три моих письма, тосковал по Тебе и «замолк», полагая, что Тебе трудно не только отвечать, но и получать письма – тем более такие однообразные, обвешанные всё тем

же унынием, как мои... Слава Богу, вижу по этому Твоему письму, что ошибался в таком предположении, — дух Твой по-прежнему бодрствует на радость всех искренних друзей и почитателей Твоего вдохновенного дара...

Тоску мою по Тебе, не заменимо для меня никем, ввиду наших с лишком сорокалетних отношений безоблачной дружбы, я временами умерял, перечитывая Твои «Песни крестьянина» и «Пути-Дороги» (неведомо в который уже раз!), и всякий раз находил среди этих ласкавших мою смущённую последними переживаниями, пленную душу стихов всё новые и новые черты, всё новые и новые штрихи... Эти живые песни уносили меня отсюда в Твой мир, давали возможность как бы снова свидеться с Тобою!..

...Ты сообщаешь о Твоих летних гостях этого года, — отраднo мне читать об этом... Как видишь, друг мой родной, к Тебе тянет всех, кто запечатлел в сердце своём искры Твоих «Песен огневых»... Личное свидание с Тобою, случайное (хотя бы и случайное!) общение с возвышенной простотою души Твоей делает столько людей, близких Искусству, Твоими друзьями...

Не смог я нынешним летом навещать Тебя — всё бодею и путешествую в поликлинику... Я уже писал Тебе об этом, — недомогание моё не только не расстаётся со мною, а всё растёт и растёт — идёт (можно сказать) нога-в-ногу с моими душевными неисцелимо-болевыми переживаниями. Моя Марианна Иосифовна в августе недели две провела в Ленинграде, — ездила туда кое-что допродать за жалкие гроши из оставшегося у знакомых нашего разгромлённого домашнего скарба-хлама, а кстaти и повидаться кое с кем... Слава Богу, съездила благополучно, хотя и намучилась в дороге и со всеми хлопотами, связанными с беготнёй... Я без неё был здесь — как без рук и без ног, а вернее сказать — как без души... Вернулась 25 числа — опять к нашей общей горькой чаше жизни, к непосильной тяготе тверского существования в нашем обездоленном положении...

Оба мы с нею обнимаем нашего родного Спиридопушко и от объединённого нашего сердца искренне желаем ему быть здоровым и бодрым.

Аполлон.

P.S. Иногда я всматриваюсь в себя и прихожу всё более и безнадежно к сознанию, что я уже никуда и ни на что не гожусь: дохожу последний этап существования разбитой окончательно клячей — без пути и без дороги!.. Заклевали меня злые вороны!..

15 декабря 1930, Тверь

Друг мой заветный, сердечно любимый, дорогой Спиридопушко, здравствуй!

Приближается «старый Никола» — день Твоего рождения (19-е нов. стиля)... Очень хотелось бы, чтобы это моё письмо попало Тебе в руки к этому знаменательному для всех Твоих искренних друзей и почитателей дню, — казалось бы — должно постеть?..

Восемьдесят два... Как много сказано этой цифрой!.. Сколько было пережито Тобою, друг милый мой, за эти долгие годы; сколько за эту путину жизни спелось-высказалось Тобою в Твоём творческом труде!.. Воистину — благословенная жизнь, вся (целиком) пронизанная искрами светоносного дарования! Пишу Тебе — и предо мною стоит Твой вдохновенный облик народного певца — патриарха крестьянских поэтов, слышишь, явственно слышишь, вещий голос волжского баяна, обращённый к слушающему каждое его слово Народу: «Твоя от Твоих Тебе приношу!..»...

Как я смотрю на Тебя и на Твою поэзию, Ты уже слишком достаточно знаешь из наших многолетних отношений. Двенадцать стихотворений моих, вписанных мною за время моих гостин у Тебя в Низовке летом 1929 года в Твой Альбом, говорят об этом ярче и сильнее, чем что-либо другое... Не стану повторять уже высказанного тогда. Да и пишу я это письмо совсем не для «оценки» и «переоценки» Твоей поэзии, а просто потому, что захотелось послать Тебе привет к Твоему знаменательному дню, 82-й годовщине бытия... Прими, друг, привет этот «от сердца — к сердцу» и такой же сердечный присоедини к нему от Марианны Иосифовны, любящей и Тебя, и Твои песни!..

Всякий раз, когда я берусь за Твои (слава Богу, уцелевшие при полном катастрофическом разгроме моей библиотеки) книги, начинаю перечитывать Твои песни и думы, мне хочется («Твоим же добром — Тебе

же ударить челом!..»), хочется повторить, обращая по Твоему адресу Твое вдохновенное слово «К песне»:

«Лейся, сердечная,
Песня крылатая
Памятью вечною,
Чувством богатая!
Лейся, рождённая
Злыми невзгодами,
Иль занесённая
К нам непогодами!
Лейся, могучая,
В радости спетая,
Правдой живучая,
Сердцем согретая!
Чем ты ни скажешься,
Чем ни пробудишься, —
В сердце улягешься
И не забудешься!..»

Такова, Спиридопушко, и Твоя песня — воистину незабываемая!..

Обнимаю Тебя, родной мой, от всей души изболевшейся и натерзанной.

Твой Аполлон.

P.S. Зима, уже 2-я в Твери для меня, кажется, будет покрепче прошлой — «Холодно, странничек, холодно!..» — голодно, родименький, голодно!..» — вспоминаются слова Некрасова...

Другу Спиридопушке

Да, друг мой, восемьдесят два!..
За годом год они летели.
Стремясь всё к той же
светлой цели,
Творя нетленные слова.
Все бури жизни, все метели
Твои мечты запечатлели...
Певца белела голова,
А песни сердца молодели!..
Путей-дорог так было много
На Божьем свете пред Тобой,
Но шёл всю жизнь Ты по одной
Путине пахаря, родного
Душе бесхитростно-прямой...
Струна спевалась со струной
На гусях сердца золотого,
И песнь Твоя лилась волной...
Лилась... И — шла о ней молва
Дорогой дальней и окольной
(И погородной, и попольной)...
Певца-кудесника слова
Будили думы о раздольной
Грядущей, новой жизни вольной
И — разбудили люд бездольный, —
В нём — песня Дрожжина жива
И будет жить...